

Научная статья

УДК 821.512.145:81'373.612

DOI: <https://doi.org/10.24852/ntat.2026.2.63-82>

EDN: PHXFXP

ЗООНИМИЧЕСКИЙ ФОНД ПОЭЗИИ ТУКАЯ: ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ И ИХ ПОЭТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

© 2026 Сафина Э.И.

*Институт языка, литературы и искусства
им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан,
г. Казань, Российская Федерация
7idillia@mail.ru*

Аннотация

Поэтическое наследие Габдуллы Тукая отличается тематическим разнообразием и широтой изобразительных средств. В языке его произведений значительное место занимают зоонимы, несущие оценочные и символические коннотации. Настоящая работа посвящена анализу зоонимического фонда поэта – совокупности лексем, обозначающих животных. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью анималистической лексики в творчестве Тукая как целостной системы. Цель работы – системное описание состава, тематической структуры и функциональных типов зоонимической лексики в поэзии Г. Тукая. В статье анализируются зоонимы, распределенные по тематическим группам: млекопитающие, птицы, насекомые, пресмыкающиеся, рыбы, земноводные, паукообразные и черви. Для каждой из этих групп выявляются количественные и функциональные параметры. Установлено, что центральное место занимают млекопитающие (прежде всего домашние виды: *кәжә* ‘коза’, *ат* ‘конь’, *песи* / *мәче* ‘кошка’, *эт* ‘собака’, *сарык* ‘овца’, *сыер* ‘корова’) и птицы, тогда как остальные группы встречаются в меньшем количестве. Особое внимание уделяется семантической и функциональной нагрузке зоонимов: от прямого номинативного употребления до развернутых метафор и символов. Анализ поэзии Тукая показывает, что зооморфные образы, представленные разнообразными номинациями, выполняют широкий спектр функций – от возвышенно-романтических до сатирических и трагических. Лексемы, обозначающие насекомых, служат как для прямых номинаций, так и для создания символических образов. *Названия пресмыкающихся, рыб, земноводных, паукообразных и червей, несмотря на их редкость, также включают метафорические, сравнительные и символические употребления наряду с прямыми значениями.*

Исследование выявляет богатство тематических групп и поэтического потенциала зоонимического фонда Тукая, при этом распределение лексики крайне неравномерно, а ее функционально-образные возможности зависят от семантической структуры каждого зоонима. Особое внимание уделяется авторским трансформациям традиционных значений. Делается вывод, что анималистические образы у Тукая выполняют не только изобразительную, но и смыслообразующую функцию, участвуя в создании сатирических, философских и социально-критических пластов его поэзии.

Ключевые слова: Габдулла Тукай; орнитоним; зооним; образ животных; зооморфный образ; зоонимическая лексика

Для цитирования: Сафина Э.И. Зоонимический фонд поэзии Тукая: тематические группы и их поэтический потенциал. *Научный Татарстан. Гуманитарные науки*. 2026. №2. С. 63–82. DOI: <https://doi.org/10.24852/ntat.2026.2.63-82>

ZOONYMIC FUND OF G.TOUQAY'S POETRY: THEMATIC GROUPS AND THEIR POETIC POTENTIAL

© 2026 Safina E.I.

*G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art,
Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation*

Abstract

Gabdulla Touqay's poetic legacy is distinguished by its thematic diversity and variety of artistic means. Zoonyms with evaluative and symbolic connotations take a significant place in the language of his works. This paper is devoted to the analysis of the poet's zoonymic fund, a collection of lexemes referring to animals. The lack of research of animalistic vocabulary in Touqay's works as an integral system determines the relevance of the given paper. The purpose of the paper is to systematically describe the composition, thematic structure and functional types of zoonymic vocabulary in G.Touqay's poetry. The article analyzes the lexemes referring to the representatives of the main biological groups – mammals, birds, insects, reptiles, fish, amphibians, arachnids and worms – and sets quantitative and functional parameters for each of these groups. It has been revealed that mammals (primarily domestic species: kezhe 'goat', at 'horse', pesi / meche 'cat', et 'dog', saryq 'sheep', syer 'cow') and birds take the central place, while other groups are found in smaller numbers. Special attention is given to the semantic and functional load of zoonyms: from direct nominative use to detailed metaphors and symbols.

The study of Touqay's poetic works reveals that zoomorphic figures, expressed through diverse lexical items, fulfill an extensive spectrum of roles ranging from elevated romanticism to satire and tragedy. Insect-related lexemes function as tools for both direct reference and the construction of symbolic representations. Designations for reptiles, fish, amphibians, arachnids, and worms, though infrequent, are likewise employed in figurative, simile-based, and symbolic contexts in addition

to their primary definitions.

This research highlights the diversity of thematic clusters and the expressive capacity inherent in Touqay's zoolexicon. Concurrently, lexical distribution proves to be extremely skewed, with its figurative functions being contingent upon the semantic framework of each specific term. The analysis foregrounds the poet's idiosyncratic modifications of conventional connotations. The findings suggest that zoomorphic imagery serves not merely an illustrative purpose, but acts as a core sense-making device, contributing to the formation of satirical, existential, and social-critical dimensions in his work.

Keywords: Gabdulla Touqay; ornithonym; zoonym; animal image; zoomorphic image; zoonymic vocabulary

For citation: Safina E.I. Zoonymic fund of G.Touqay's poetry: thematic groups and their poetic potential. *Nauchnyy Tatarstan. Gumanitarniye nauki = Scientific Tatarstan. Humanities*. 2026. No. 2, pp. 63–82. DOI: <https://doi.org/10.24852/ntat.2026.2.63-82> (In Russian).

Введение

Животный мир занимает значительное место в поэзии Габдуллы Тукая: образы птиц, зверей, насекомых пронизывают его лирику, сказки и басни, выполняя изобразительно-описательные и символические функции. Однако, несмотря на широкое присутствие в разных жанрах – сатирических, детских, философских, – эта группа образов остается недостаточно изученной.

Актуальность исследования определяется тем, что зоонимическая лексика Тукая не анализировалась как целостная система; ее высокая частотность и многообразие функций создают предпосылки для выявления устойчивых лексико-семантических связей, что существенно расширяет понимание языковой картины мира поэта.

Объектом исследования выступает корпус поэтических текстов Габдуллы Тукая, включенных в академическое шеститомное собрание сочинений. Предмет исследования – зоонимическая лексика в поэзии Г. Тукая, а также ее контекстуальные значения и функции в художественном тексте.

Материалы и методы

Источниковую базу исследования составили стихотворения Габдуллы Тукая, опубликованные в первом и втором томах шеститомного собрания сочинений (2011), где сосредоточен основной корпус лирических произведений поэта. Переводы на русский язык взяты из трех томов русского издания (2025).

Отбор единиц осуществлялся методом сплошной выборки, что по-

зволило извлечь все лексические единицы зоонимического характера. При подсчете частотности учитывались все падежные формы, формы числа, аффиксы принадлежности. В работе применялся комплекс методов, включающий семантический, компонентный и системный подходы. Для определения лексических значений зоонимов, их контекстуальных смыслов и метафорических переносов был использован семантический метод. Метод компонентного анализа позволил выявить сходства и различия в функционировании зоонимических образов внутри разных групп. Системный метод был задействован для классификации образов и определения их места в общей системе поэтических средств Г. Тукая.

Литературный обзор

Лексические средства, используемые в творчестве Тукая как изобразительно-выразительные (сравнения, фразеологизмы, синонимы), неоднократно привлекали внимание исследователей; достаточно указать на труды таких видных татарских ученых, как Ш.А. Рамазанов (Рамазанов, 1954), Г.С. Амиров (Амиров, 1968), И.Б. Баширова (Баширова, 2000), В.Х. Хаков (Хаков, 2003) и др.

Наряду с изучением этих общих языковых ресурсов значительный исследовательский интерес вызывает и тематика образов животных (анималистическая лексика, зооморфная метафора, орнитологическая символика), которая давно находится в центре внимания филологов. В русской литературе подробно рассмотрены семантика образов животных в стихах В.С. Высоцкого (Виданов, Литвиненко, 2016), анималистика в поэмах М.И. Цветаевой (Божкова, Бубеков, 2016), зооморфные образы в лирике С.А. Есенина (Копырюлин, 2018) и др. Отдельные работы посвящены конкретным видам: образу верблюда в «калмыцком» тексте В. Хлебникова (Ханинова, 2018), образу кота в русскоязычной поэзии (Маслова, 2021) и др.

Между тем, несмотря на обилие зооморфных образов в поэзии Тукая, собственно тематика животных в его текстах исследована лишь эпизодически. Исследованием, напрямую затрагивающим природный мир поэта, является диссертация К.А. Габбасовой (Габбасова, 2009), посвященная изображению природы в поэзии Тукая. В ней рассматриваются природные образы, роль флоры и фауны в создании национального колорита, а также упоминаются отдельные образы животных и птиц.

Зоонимы в художественном дискурсе Г. Тукая анализируются в работе О.Н. Галимовой (Галимова, 2011). Ряд наших трудов касается орнитологической символики в стихотворениях поэта (2011, 2016, 2021).

Таким образом, зоонимический фонд поэзии Габдуллы Тукая до сих пор не становился объектом системного анализа в аспекте тематической структуры, целостная количественно-семантическая классификация также отсутствует. Настоящее исследование призвано восполнить эту лаку-

ну, предлагая классификацию зоонимов по биологическим группам и их функционально-семантическую интерпретацию.

Результаты и обсуждение

В ходе сплошной выборки из стихотворений Габдуллы Тукая было выявлено 84 уникальных лексем, обозначающих животных, птиц, насекомых, рыб и др. К примеру, *ат* 'конь', *арыслан* 'лев', *тычкан* 'мышь', *аккош* 'лебедь', *бака* 'лягушка', *балык* 'рыба', *чебен* 'муха', *чикерткә* 'кузнечик' и др. Некоторые названия используются редко (например, *фил* 'слон' в строке *Көчек! Зинһар, дим, өрмә филгә каршы* «Не тывкай, ради бога, ты на слона, щенок!»¹), другие становятся активными персонажами (*ишәк* 'осел', *сандугач* 'соловей').

Для удобства анализа все выявленные единицы распределены по тематическим группам: млекопитающие (звери, животные), птицы, насекомые, пресмыкающиеся, рыбы, земноводные, паукообразные и черви. Рассмотрим распределение зоонимов по этим группам с указанием частотности.

Млекопитающие (361 упоминание): *кәжә* 'коза' (38), *песи* 'кошка' (36), *буре* 'волк' (36), *ат* 'конь' (33), *эт* 'собака' (32), *сарык* 'овца' (26), *ишәк* 'осел' (16), *арыслан* 'лев' (13), *куян* 'заяц' (13), *тычкан* 'мышь' (13), *хайван* 'животное' (11), *сыер* 'корова' (11), *мәче* 'кошка' (10), *күсе* 'крыса' (7), *төлке* 'лиса' (7), *юлбарыс* 'тигр' (6), *дуңгыз* 'свинья' (6), *маэмай* 'щенок' (5), *куй* 'овца' (4), *юрга* 'иноходец' (4), *бозау* 'теленка' (3), *көчек* 'щенок' (3), *туры ат* 'гнедка' (3), *үгез* 'бык' (3), *поши* 'лось' (2), *тай* 'жеребенок' (2), *тиен* 'белка' (2), *чучка* 'свинья' (2), *кондыз* 'бобр' (2), *фил* 'слон' (2), *аргамак* 'скакун', 'скаковая лошадь' (1), *аю* 'медведь' (1), *эрлән* 'хомяк' (1), *болан* 'олень' (1), *йомран* 'суслик' (1), *каплан* 'леопард' (1), *кузый* 'ягненок' (1), *сыртлан* 'гиена' (1), *тәкә* 'козел, баран' (1), *төя* (дөя) 'верблюд' (1).

Птицы (234 упоминаний): *кош* 'птица' (78), *этәч* 'петух' (24), *сандугач* 'соловей' (19), *чыпчык* 'воробей' (18), *карга* 'ворона' (16; в их числе *ала карга* 'серая ворона', *кара карга* 'черная ворона'), *былбыл* 'соловей' (11), *үрдәк* 'утка' (8), *каз* 'гусь' (6), *күгәрчен* 'голубь' (6), *бөркет* 'беркут, орел' (6), *козгын* 'ворон' (6), *күркә* 'индюк' (6), *карлыгач* 'ласточка' (5), *тавык* 'курица' (4), *ябалак* 'сова' (4), *дүдәк* 'дрофа' (4), *аккош* 'лебедь' (2), *каракош* 'орел' (2), *күке* 'кукушка' (2), *бәбкә* 'птенец' (2), *лачын* 'сокол' (2), *тартар* 'коростель' (2), *торна* 'журавль' (1), *тургай* 'жаворонок' (1), *чеби* 'цыпленок' (1), *колибри* 'колибри' (1).

Насекомые (33): *күбәләк* 'бабочка' (10), *чебен* 'муха' (10), *черки* 'комар, мошка' (5), *сорыкорт* 'трутень' (4), *чикерткә* 'кузнечик' (1), *таракан* 'таракан' (1), *бет* 'вошь' (1), *пәрванә* 'бабочка', 'мотылек' (1).

¹ Перевод Р. Морана.

Пресмыкающиеся (12): *жылан* ‘змея’ (7), *елан* ‘змея’ (4), *ташбака* ‘черепаха’ (1).

Рыбы (7): *балык* ‘рыба’ (6), *чабак* ‘плотва’ (1).

Земноводные (5): *бака* ‘лягушка’ (5).

Паукообразные (2): *урмакүч* ‘паук’ (1), *чаян* ‘скорпион’ (1).

Черви (2): *корт* ‘червь’ (2).

По итогам подсчетов, в двух томах академического собрания поэзии Тукая содержится 656 зоонимических единиц.

Рассмотрим каждую из перечисленных групп в отдельности, акцентируя внимание на наиболее употребительных и значимых лексемах. Первой для рассмотрения является группа млекопитающих – самая многочисленная по числу упоминаний и лексем.

Примечательно, что названия животных нередко выносятся в заглавия стихотворений: «Шаян песи» («Озорная кошка»), «Ялкау маэмай» («Ленивый пес»), «Бичара куян» («Бедняга заяц»), «Пар ат» («Пара лошадей»), «Күк сыер» («Голубая корова»), «Гали белән кәжә» («Гали и Коза») и другие. Таким образом, сами заглавия демонстрируют не только широту охвата животного мира, но и активное использование зоонимов в качестве смысловых и текстообразующих центров стихотворений.

В поэтических текстах Тукая зоонимы реализуются как в прямых, так и в переносных значениях. «Широкий ассоциативный диапазон зоонимов дает им возможность образовать сложную систему переносных значений. Они, с одной стороны, отражают окружающий мир, с другой – характеризуют внешность и внутренний мир человека» (Галимова, 2011: 252). Метафорические и переносные значения зоонимов служат, как правило, для сопоставления с человеком и выделения тех или иных его недостатков или особенностей.

Первым в системе зоонимической лексики следует рассмотреть гипероним *хайван*, который в татарском языке выполняет функцию родового обозначения всех животных. По данным «Толкового словаря татарского языка», эта лексема характеризуется полисемией. Она обозначает: 1) *хәрәкәтләнәргә, сизәргә сәләтле һәрбер тереклек иясе* ‘всякое живое существо, способное двигаться и обладать чувствительностью’; 2) *кешеләргә капма-каршы итеп куелган җан иясе* ‘живое существо, противопоставляемое человеку’; 3) *тупас, ахлаксыз, тәрбиясез, түбән җанлы кеше турында әйтелә* ‘говорится про грубого, безнравственного человека’; 4) *яратмыйча, кимсеп, ачуланып, әрлән кемгә дә булса эндәшү сүзе* ‘в разговорно-уничижительном употреблении – бранное обращение к кому-либо’ (Татар теленең..., 2021: 211).

В корпусе стихотворений Г. Тукая зафиксированы два значения данной лексемы: прямое номинативное (животное) и бранное «скотина» по отношению к человеку. Особенно привлекает внимание употребление

этого слова в экспрессивно-оценочной форме:

Безне дәүләтләр «хайван» дип белмәсеннәр;

Кыю һәм батыр рәвештә алга хәрәкәт итик («Исемсез шигыр», 1905).

‘Пусть народы не думают о нас, как о «скотах»;

Быстро и отважно пойдем вперед’².

В своем творчестве Г. Тукай неоднократно обличал лицемерие и корыстолюбие духовенства, прибегая к едким зооморфным сравнениям. Показательна в этом отношении сатира на ишана, где, по мнению автора, религиозный сан оказывается лишь маской, под которой скрывается низменная животная натура. К примеру, в данном стихотворении прямо сказано:

Күзен йомган, муен бөккән, башында чалма чорналган;

Кибән чалма кибәк башта: ишан булган имеш, хайван! («Ишан», 1909).

‘Закрыв глаза, согнул свой стан, намотан на башку тюрбан,

Как сена стог на голове, – хоть и скотина, а ишан’ («Ишан»)³.

Кроме того, у Тукая ишаны и муллы (мусульманское духовенство) часто сравниваются с ослом (*ишәк*) и свиньей (*дуңгыз*, *чучка*). В стихотворении «Мактанышу» разворачивается диалог между ишаном и ослом, в котором оба оказываются тождественны по глупости и высокомерию. Далее ишан признает:

Мине ишан дигәннәр

Һәрберсе синдәй ишәк («Мактанышу», 1908).

‘Меня ишаном зовут

Подобные тебе ослы’ («Хвастовство»)⁴.

Эти примеры показывают, что ослиная тупость становится символом религиозного догматизма. В другом стихотворении ишан сравнивается с *сыртлан* (гиеной), пожирающей падаль: *Үләксә ашаучы сыртлан икәндер ишан, белмәдем* («Мөритләр каберстаныннан бер аваз», 1906) ‘Ишаны подобны гиенам, питающимся падалью, не знал я’ («Голос с кладбища мюридов»)⁵.

Лексема *ат* ‘конь’, ‘лошадь’ – один из наиболее частотных зоонимов в языке поэта – функционирует как в прямом, так и в переносном значении. Особенно часто Тукай использует ее для создания выразительных сравнений, как в следующем примере:

Башын иеп, арык ат кеби торыр;

Фатыймасы аргамак кеби торыр («Кечкенә генә бер көйле хикәя», 1906).

² Подстрочный перевод по: Тукай Г.М. Собрание сочинений. 2025. Т. 1. С. 44.

³ Перевод В. Тушновой.

⁴ Подстрочный перевод по: Тукай Г.М. Собрание сочинений. 2025. Т. 1. С. 172.

⁵ Подстрочный перевод по: Тукай Г.М. Собрание сочинений. 2025. Т. 1. С. 94.

‘Стоял понуро, словно тощая кляча;

А Фатима стояла как аргамак’ («Маленький рассказ в стихах»)⁶.

В поэзии Г. Тукая конь, представленный лексемами *ат* ‘конь’, ‘лошадь’, *аргамак* ‘скакун’, ‘скаковая лошадь’, *туры ат* ‘гнедка’, *юрга* ‘иноходец’, выполняет двойную семантическую функцию. Он одновременно и крестьянская рабочая лошадь, и образ устремленности, порыва, движения вперед.

Как показывают количественные данные, среди млекопитающих в стихотворениях Тукая преобладают наименования домашних животных. Так, в стихотворении «Мияубикэ» поэт с нежностью описывает кошачьи повадки:

Ал аякларга башын куйган да йоклый, төш күрә;

Төштә дә тычкан, күсе халкы белән ул эш күрә («Мияубикэ. Йокы», 1911).

‘Положив голову на розовые лапки, она спит, видит сон;

Даже во сне ловит мышей и крыс’ («Мияубикэ. Сон»)⁷.

Стихотворение «Кызыклы шәкерт» («Забавный ученик», 1910) создает комический образ щенка, который отказывается учиться стоять на задних лапах, ссылаясь на свой нежный возраст. Ласковое отношение к домашним питомцам – черта, сближающая Тукая с юными читателями. В этом, как и в других детских стихотворениях, поэт предстает тонким наблюдателем природы и поведения животных.

Из диких животных в поэзии Тукая часто встречаются лексемы *арыслан* ‘лев’, *юлбарыс* ‘тигр’, *бүре* ‘волк’, *төлке* ‘лиса’, *аю* ‘медведь’, *куян* ‘заяц’ и др. Эти лексемы, как правило, несут символическую нагрузку. К примеру, *арыслан* ‘лев’ и *юлбарыс* ‘тигр’ символизируют смелость, благородство и готовность к борьбе:

Мактарбыз һәм зурларбыз без аны һаман;

Арысландай булып мактый аны каләм («Шигырь», 1905).

‘Будем прославлять и величать мы ее все время;

Перо мое, как лев, величает ее’ («Стих»)⁸.

Одним из излюбленных сатирических приемов Тукая является зооморфное противопоставление. Например, в стихотворении «Мөритләр каберстаныннан бер аваз» («Голос с кладбища мюридов») *куян* ‘заяц’ предстает как символ трусости и рабской покорности в противовес льву, олицетворяющему смелость:

Аларга каршы каләм күтәргәннәр – арыслан икән,

Ишанны изге санаучы – куян икәндер, белмәдем («Мөритләр каберстаныннан бер аваз», 1906).

⁶ Подстрочный перевод по: Тукай Г.М. Собрание сочинений. 2025. Т. 1. С. 102.

⁷ Подстрочный перевод по: Тукай Г.М. Собрание сочинений. 2025. Т. 3. С. 110.

⁸ Подстрочный перевод по: Тукай Г.М. Собрание сочинений. 2025. Т. 1. С. 58.

‘Кто в них перо направил – лев, а кто в их святость верит –

Трусливый, жалкий заяц тот, а я не знал об этом’ («Голос с кладбища мюридов»)⁹.

Та же модель зооморфизации, низводящая человека до животного, реализуется и в других текстах через негативные образы. Так, в стихотворении «Күрдегезме?» Тукай прибегает к еще более грубому контрасту, задаваясь вопросом об издателе: корова или осел?

Яшерми әйтегез миннән, китерми шөбһәнә, шикне:

Мөхәррир, нашире кемдер – сыермы әллә ишәкме? («Күрдегезме?», 1907).

‘Без утайки скажите мне, чтобы я не сомневался:

Кто его редактор, издатель – корова или осел?’ («Видели?»)¹⁰.

Следующая по численности и семантической значимости группа – птицы, которые в поэзии Тукая также занимают важное место. Орнитологическая лексика также вынесена уже в названия стихотворений, что свидетельствует о ее ключевой роли: достаточно перечислить «Карга» («Ворона»), «Фатыйма белән сандугач» («Фатима и Соловей»), «Карлыгач» («Ласточка»), «Кошларга» («Птицам»), «Кошчык» («Птичка»), «Күгәрчен» («Голубь») и др.

Обращение поэта к орнитонимам и наделение их разнообразной семантикой, вероятно, связано с его детскими впечатлениями и восхищением таинственной прелестью родной природы (Сафина, 2011: 254).

В своих стихотворениях поэт активно использует названия птиц: *чыпчык* ‘воробей’, *карга* ‘ворона’, *бөркет* ‘беркут, орел’, *карлыгач* ‘ласточка’, *козгын* ‘ворон’, *күгәрчен* ‘голубь’ и др. Самым распространенным является лексема, обозначающая соловья (*сандугач*, *былбыл*). Ее семантический потенциал включает как восточные коннотации (любовь, красота), так и оригинальные авторские смыслы (свобода, социальная несправедливость, сострадание):

Ачыл, азатлык бакчасы! Сандугачларың сайрасын,

Милләтнең киләчәге айлы кичтән дә яктырак булсын («Азатлыкка», 1907).

‘Откройся, сад свободы! Пусть поют твои соловьи,

Пусть будущее нации будет светлее лунной ночи!’ («К свободе»)¹¹.

Наиболее отчетливо стремление к свободе выражено в стихотворении «Фатима и Соловей», где птица говорит, что в клетке петь невозможно – ее место в лесу:

Аһ, минем сайрар җирем урман иде,

Анда һәртөрле кызык тулган иде («Фатыйма белән сандугач», 1910).

⁹ Перевод Р. Морана.

¹⁰ Подстрочный перевод по: Тукай Г.М. Собрание сочинений. 2025. Т. 1. С. 214.

¹¹ Подстрочный перевод по: Тукай Г.М. Собрание сочинений. 2025. Т. 1. С. 200.

‘Я в лесу зеленом песни распевал,
Я на воле зори вешние встречал’ («Фатима и Соловей»)¹².

Образ птицы в клетке символизирует не только личную несвободу, но и угнетенное положение народа. Данный мотив приобретает символическое значение национального освобождения и повторяется во многих стихотворениях. Так, в «Кошчык» поэт сам открывает клетку: *Кичә мин читлек ачтым, андагы кошчыкны коткардым* («Кошчык», 1909). Вчера я отворил клетку, спас сидевшую в ней птаху («Птаха»)¹³.

В народной традиции отдельные птицы наделяются отрицательными характеристиками; Тукай переносит эти коннотации на соответствующие зоонимы, используя их в сатирических и других контекстах. Примером служат ворона и ворон, которые последовательно получают негативную оценку в его стихах: *Барча кошның да үзенчә сайравы бар, шигъре бар, / Карга, мескен, жырлыгъ белми, кычкыра тик: «Кар» да «Кар!»* («Карга», 1909) ‘Каждая птица поет на свой лад. / Ворона, бедная, не может петь, лишь кричит: «Кар, кар!»’ («Ворона»)¹⁴; *Ала карга, кара козгын әрсезләң, тук була* («Авыл жырлары. Дүртенче көлтә», 1910) ‘Серая ворона, черный ворон нахально добывают пищу’ («Деревенские песни. Четвертый сноп»)¹⁵.

Для усиления контраста между положительными и отрицательными коннотациями орнитонимов Тукай часто прибегает к противопоставлению птиц. Например, в строках: *Билгеле, һәрбер агачлар да корырга башлылар, / Былбыл урнына оя тоткач башында каргалар!* («Дин вә гавам», 1912) ‘Известно всем: начинают сохнуть деревья, / Когда вместо соловьев на них выют гнезда вороны’ («Религия и народ»)¹⁶. Здесь прослеживается уничижение ворон и, напротив, возвеличивание соловьев. Отрицательное отношение народа к воронам можно увидеть в следующем стихотворении, где они подвергаются еще большему унижению: *Сиңа соң сандугачча сайрамак мөмкинме, и карга!* («Мөтәшагырьгә», 1907) ‘Ворона жалкая, о, разве ты можешь петь, как соловей?’ («Бесталанному поэту»)¹⁷.

Как показывают примеры, в поэзии Тукая орнитоморфные образы охватывают широкий спектр значений – от возвышенно-романтических до сатирических. Однако поэт не ограничивается готовой символикой – он наполняет ее новыми смыслами. Как верно замечает К.А. Габбасова, анализируя природные мотивы, Тукай углубляет «орнитологическую»

¹² Перевод С. Обрадовича.

¹³ Подстрочный перевод по: Тукай Г.М. Собрание сочинений. 2025. Т. 2. С. 266.

¹⁴ Подстрочный перевод по: Тукай Г.М. Собрание сочинений. 2025. Т. 3. С. 120.

¹⁵ Подстрочный перевод по: Тукай Г.М. Собрание сочинений. 2025. Т. 3. С. 30.

¹⁶ Подстрочный перевод по: Тукай Г.М. Собрание сочинений. 2025. Т. 3. С. 228.

¹⁷ Перевод Р. Морана.

символику. «Впервые в татарской поэзии предстает образ подстреленной птицы в сравнении с опозоренной девушкой» (Габбасова, 2009: 50).

Атылган кош, адаштырган эттэй,

Уткәннәргә мәэюс карыйсың («Эштән чыгарылган татар кызына», 1909).

‘Псом приبلудным, подстреленной птицей

На прохожих ты смотришь с тоской’ («Опозоренной татарской девушке»)¹⁸.

В творчестве Тукая образы птиц получают особое звучание: «поэт не просто любит ими, но возвеличивает их, воспринимая как божественное творение» (Сафина, 2016: 344). Следовательно, его птицы – это не просто пернатые, а носители сакрального смысла. Показательна в этом отношении уже сама лексика: *Сайрый Ходай былбыллары!* («Кичэ һәм бүген», 1910) ‘Пенье божьих птиц на небесах’ («Вчера и сегодня»)¹⁹.

Такое возвышенное восприятие пернатых не случайно: оно восходит к глубокой архетипической традиции, где птица издревле ассоциируется с душой (Сафина, 2021: 290). Как поясняет О. Вовк, это объясняется тем, что «прикованный к земле невидимыми цепями притяжения, человек завидовал крылатым божественным созданиям, свободно парящим в заоблачной выси, и душою устремлялся вслед за ними. Вследствие этого птица и стала восприниматься как воплощение души, аллегория полета мысли, фантазий, воображения, вознесения духа, абсолютной свободы и раскрепощения» (Вовк, 2006: 239).

Эта универсальная символика находит специфическое воплощение и в поэтической традиции. Как отмечает К.А. Габбасова, «любопытно возникновение сложной метафоры «птица души» и в тюркской поэзии. У тюрков, как и у татар, душа («кот») выступает в виде птицы или бабочки» (Габбасова, 2009: 48). Непосредственным поэтическим подтверждением этого у Тукая служит стихотворение «Өзелгән өмит» («Оборванная надежда», 1910), где душа, прощающаяся с бранным миром, превращается в птицу и устремляется в небо в поисках свободы.

Однако Тукай опирается не только на общепозитическую метафору, но и на глубинные фольклорно-мифологические представления татар. Как пишет И.Г. Закирова, выражения *жәң кошы* ‘душа-птица’, *кубаләк жәң* ‘бабочка-душа’, *чебен жәң* ‘мушиная душа’ свидетельствуют о том, что душа может являться в разных обликах (Закирова, 2016: 207). Этот архетип получает прямое художественное воплощение у Тукая в стихотворении «Сорыкортларга»: *Чебен жәңымны чын юлда бирәм бең кәррә, кызганмыйм* («Сорыкортларга», 1906) ‘Душу, малую как мошка, я отдам за новый путь’ («Трутням»)²⁰.

¹⁸ Перевод В. Тушновой.

¹⁹ Перевод В. Думасовой-Валиевой.

²⁰ Перевод С. Ботвинника.

Любовь к Аллаху в поэзии Тукая не всегда заявлена открыто – часто она скрыта за суфийской символикой. Как подчеркивает А.Ф. Юсупов, образы цветка и соловья в суфийской традиции служат для передачи мистической любви к Богу (Йосыпов, 2016: 221). По мнению исследователя, этот код активно использует Тукай в стихотворении «Юк итәрсеңме?»: *Гөл кадерен былбыл белер, асылташ кадерен – белгече* («Юк итәрсеңме?», 1906) ‘Алмаз алмазу цену знает, а цену розе – соловей’ («Уничтожишь ли меня?»)²¹.

Следующая группа животного мира, представленная в поэзии Тукая, – насекомые. Среди инсектонимов наиболее употребительны *күбәләк* ‘бабочка’, ‘мотылек’, *чебен* ‘муха’, *черки* ‘комар, мошка’, *сорыкорт* ‘трутень’. В единичных случаях зафиксированы *чикерткә* ‘кузнечик’, *таракан* ‘таракан’, *бет* ‘вошь’.

Зооним *күбәләк* ‘бабочка’, ‘мотылек’ в основном функционирует в прямом номинативном значении, обозначая насекомое. Вместе с тем поэт прибегает к метафорическому употреблению, уподобляя бабочкам девушек: *Кышта очкан күбәләк төсле гүзәл кызлар миңа* («Хәстә хәле», 1913) ‘Красавицы для меня подобны порхающим зимой бабочкам’ («Положение больного»).

Наряду с общетюркским *күбәләк* ‘бабочка’ в поэзии Тукая зафиксирован персидский инсектоним *пәрванә*. В «Толковом словаре татарского языка» он имеет два значения: 1) *ут әйләнәсендә очып йөри торган күбәләк*; *ут күбәләге* ‘бабочка, летающая вокруг огня’; 2) *өметсез гашиыйк куңеле* ‘душа безнадёжного влюблённого’ (Татар теленең., 2018: 526). В «Татарско-русском словаре» читаем: ночная бабочка, которая в народных представлениях воспринимается как «возвратившаяся домой душа умершего» (Татарско-русский., 2007: 136). Этот оттенок значения сближает *пәрванә* с архетипом души-птицы/насекомого, о котором говорилось выше. Анализируя суфийские стихотворения Г. Тукая, А.Ф. Юсупов также обращает внимание на этот образ-символ. По мнению исследователя, свеча и мотылек (*пәрванә*) являются символическими образами, причем свеча предстает не в своем прямом предметном значении, а осмысливается как огонь, как процесс горения (Йосыпов, 2016: 221).

Бер гidae, жан фидаем, гыйшыкыңа пәрванаем;

Кәл, гүзәл, гарз ит жәмаләң: янаем, кил янаем («Гыйшык бу, йа!..», 1906).

‘Я – нищий, принесший в жертву свою душу, мотылек, летающий вокруг огня любви’ («О, эта любовь!»)²².

Чебен ‘муха’ практически во всех случаях употребляется в прямом значении, за исключением вышерассмотренного случая *чебен жан*

²¹ Перевод Р. Морана.

²² Перевод В. Тушновой.

‘мушинная душа’ в стихотворении «Сорыкортларга» («Трутням»). Черки ‘комар’, ‘мошка’ также используется в прямом значении. Кроме того, зафиксировано их совместное употребление в форме *чебен-черки* ‘мошкара’, ‘мошки’ в собирательном значении. Отмечены единичные случаи употребления зоонимов *чикерткэ* ‘кузнечик’ и *таракан* ‘таракан’ в образных контекстах: *Игендәге чикерткәдәй сикермә* («Шәкерт, яки бер очрашу», 1906) ‘Не скачи как кузнечик в поле’ («Шакирд, или одна встреча»); *Синең йортта аш юк / Туярлык таракан* («Мужик йокысы», 1905) ‘У тебя же дома нет хлеба, / Чтобы прокормить даже таракана’ («Сон мужика»)²³.

Наиболее развернутое образное употребление обнаруживается у *сорыкорт* ‘трутень’, где насекомое становится социальной метафорой:

Аристократ-сорыкортлар, калын корсак, кечек баилар;

Ашыйлар соң бирән булган кешеләр, нугаҗәп, ай-йй! («Сорыкортларга», 1906).

‘Аристократы-трутни, толстые животы, маленькие головы;

Едят они как ненасытные обжоры, диву даешься, ай-йй!’ («Трутням»)²⁴.

К группе рыб и земноводных Тукай обращается значительно реже, чем к птицам и насекомым. Среди ихтионимов зафиксированы лишь два слова: *балык* ‘рыба’ (гипероним) и *чабак* ‘плотва’ (конкретный вид). Они используются буквально, за исключением одного случая, где *чабак* ‘плотва’ служит основой для сравнения. В стихотворении «Гыйлавә» (1907) поэт уподобляет девушку плотве: *Син – чабак Иделдәге, тик күрсәтәсең койрыгың* («Гыйлавә», 1907) ‘Ты плотичкой в Волге пляшешь – лишь мелькает хвостик твой’ («Добавление»)²⁵. Здесь слово *чабак* сохраняет прямое предметное значение (речь идет о рыбе), но сравнение придает строке ироничный оттенок, характеризуя девушку как проворную, юркую.

Земноводные представлены лишь образом лягушки (*бака*). В стихотворении «Яз галәмәтләре» («Приметы весны», 1906) это слово употребляется в прямом значении. Однако в «Өмет» лягушка обретает символический смысл:

Күп вакытта сискәнәм, яңдыш тотып «кош» дип бака («Өмет», 1908). ‘Вздрагиваю, прикасаясь к лягушке, которую принимаю за птицу’ («Надежда»)²⁶. Этот образ строится на обманутом ожидании: лягушка ошибочно принимается за птицу – символ надежды и возвышенного.

Среди пресмыкающихся в поэзии Тукая зафиксированы две лексемы: *елан* (*жылан*) ‘змея’ и *ташбака* ‘черепаха’. Слово *елан* / *жылан* ‘змея’

²³ Подстрочный перевод по: Тукай Г.М. Собрание сочинений. 2025. Т. 3. С. 54.

²⁴ Подстрочный перевод по: Тукай Г.М. Собрание сочинений. 2025. Т. 3. С. 126.

²⁵ Перевод Р. Морана.

²⁶ Подстрочный перевод по: Тукай Г.М. Собрание сочинений. 2025. Т. 2. С. 68.

употребляется как в прямом, так и в переносном значении. В переносном плане змея становится устойчивой метафорой врага, коварного и злобного человека:

*Күп «жыланнар» сызгырып читтән карыйлар бәхтемә,
Борла-сырла, бәдбәхетләр, үрмәлиләр тәхтемә* («Дошманнар», 1912).

‘Вокруг меня со злобой змеи извиваются, шипят,

Мне желают только горя, днем и ночью копят яд’ («Враги»)²⁷.

Единственный случай употребления зоонима *ташбака* ‘черепаха’ встречается в поэме «Печән базары, яхуд яңа “Кисекбаш”», где он используется для сравнения с медлительным трамваем: *Ташбака төсле, вагон әкрән килә* («Печән базары, яхуд яңа “Кисекбаш”», 1908) ‘Черепашьим ходом движется трамвай’ («Сенной базар, или новый Кисекбаш»)²⁸.

Паукообразные и черви в поэзии Тукая встречаются еще реже. Всего зафиксировано по одному употреблению лексем *үрмәкүч* ‘паук’, *чаян* ‘скорпион’ и два употребления лексемы *корт* ‘червь’. При этом *үрмәкүч* ‘паук’ и *корт* ‘червь’ употребляется в прямом, номинативном значении, тогда как зооним *чаян* ‘скорпион’ получает гиперболическое воплощение: *кырык башлы чаян* («Рәсемгә ишарә», 1906) ‘сорокаглавый скорпион’ («К рисунку»)²⁹.

Если обратиться к общим количественным показателям, то становится очевидно, что зоонимическая лексика в поэзии Габдуллы Тукая распределяется по биологическим группам крайне неравномерно. Млекопитающие и птицы являются центральной группой образов животного мира в поэзии Г.Тукая, причем среди млекопитающих доминируют домашние виды (*ат* ‘конь’, *песи* / *мәче* ‘кошка’, *эт* ‘собака’, *кәжә* ‘коза’, *сарык* ‘овца’), а среди птиц – как гипероним *кош* ‘птица’, так и конкретные виды (*сандугач* / *былбыл* ‘соловей’, *әтәч* ‘петух’, *чыпчык* ‘воробей’). При этом наибольшую частотность в обеих группах демонстрируют животные, так или иначе связанные с человеческим бытом, трудом или фольклорно-мифологической традицией, что позволяет говорить о функциональной обусловленности выбора зоонимов. Напротив, насекомые, рыбы, пресмыкающиеся, земноводные, паукообразные и черви встречаются эпизодически и в совокупности уступают по частоте отдельным высокочастотным образам. Такое распределение отражает не только художественные предпочтения поэта, но и его мировоззренческую позицию: животный мир интересен Тукаю в той мере, в какой он соприкасается с человеком – в быту, в труде, в нравственном поучении или в символическом иносказании. Названия животных, редко встречающихся в нашем регионе (*фил* ‘слон’,

²⁷ Перевод С. Ботвинника.

²⁸ Перевод Р. Бухараева.

²⁹ Подстрочный перевод по: Тукай Г.М. Собрание сочинений. 2025. Т. 1. С. 148.

дөя (төя) ‘верблюд’, колибри ‘колибри’ и др.) представлены единично и, скорее всего, возникают под влиянием конкретных поэтических задач, не становясь элементами устойчивой образной системы.

Как видно из анализа, в творчестве Тукая выделяется несколько основных функциональных типов употребления зоонимов. Сатирическая функция нередко реализуется через зооморфные уподобления (*ишәк* ‘осел’, *дуңгыз* ‘свинья’, *эт* ‘собака’, *сыртлан* ‘гиена’, *куян* ‘заяц’), с помощью которых поэт обличает религиозное лицемерие, социальное угнетение, трусость и конформизм. Символическая семантика, где, к примеру, соловей олицетворяет поэтическое вдохновение, любовь к родине и стремление к свободе, конь символизирует просвещение и прогресс, хищники же (*арыслан* ‘лев’, *юлбарыс* ‘тигр’) – как носители коннотаций силы и революционного порыва. Лирическая и пейзажная функция проявляется в детских стихах и описаниях природы, где зоонимы (*песи* ‘кошка’, *мазмай* ‘щенок’, *күбаләк* ‘бабочка’, *карлыгач* ‘ласточка’) употребляются в эмотивно-положительных контекстах.

В ранних стихах образы животных чаще носят прямой, басенный характер, тогда как в зрелый период усиливается символическая нагрузка, появляются развернутые аллегории, усложняется ирония. Поздняя лирика демонстрирует синтез всех функций, где даже отрицательные образы (*козгын* ‘ворон’, *карга* ‘ворона’) обретают многозначность.

Подтверждением этому служит и лексико-стилистический уровень – использование оценочных определений и образных замен. Некоторые зоонимы сопровождаются эпитетами: *куркак куян* ‘трусливый заяц’, *көчле лачын* ‘сильный сокол’, *кыю арыслан* ‘храбрый лев’, *тәкәббер күркә* ‘высокомерный индюк’. Как правило, эти прилагательные уже показывают, какую коннотацию имеет зооним, отрицательную или положительную.

Примечательно, что наряду с прямыми номинациями используются образные перифразы вместо родовых наименований: *кәкре койрыклар* (букв. ‘кривохвостые’ – о собаках), *мияубикә* (‘госпожа Мяс’ – о кошке), *сакалбай* (‘бородач’ – о козле).

Поэтический потенциал зоонимов реализуется не только через прямые номинации и описательный обороты, но и через звукоподражания, которыми богат язык Тукая. Например, *чыпчык чыр-чыррр килә* (*чырылды, чыр-чыррр итә*) ‘воробей чирикает’, *чебен чыр-чыр итә*, ‘муха жужжит’, «*этләр «Вау!» да «вау!» да, «һау!» да «һау» өрә»* ‘собаки лают’, «*бака «Бака-кака, бака-кака», – диер имди»* ‘лягушка квакает’, *сайрый тартар: «Тар-тар-тар»* ‘коростель поет «тар-тар-тар»’ и др.

Совокупность рассмотренных примеров показывает: зоонимическая лексика у Тукая не сводится к простой номинации животных, а представляет собой гибкий и семантически насыщенный пласт, включающий разнообразные приемы образной и звуковой передачи.

Заключение

Проведенное исследование зоонимической лексики в поэтической системе Габдуллы Тукая позволяет сделать ряд выводов. В результате сплошной выборки из поэтических текстов Г. Тукая впервые составлен полный перечень зоонимов, насчитывающий 84 лексические единицы. Установлено, что ядро зоонимической лексики образуют около пятнадцати наиболее частотных лексем (*кәжә* 'коза', *песи* 'кошка', *буре* 'волк', *ат* 'конь', *эт* 'собака', *сарык* 'овца', *этәч* 'петух', *сандугач* 'соловей', *күбәләк* 'бабочка', *елан (жылан)* 'змея' и другие), тогда как периферия представлена единичными или редкими номинациями (*үрмәкүч* 'паук', *чаян* 'скорпион').

В ходе анализа были выявлены следующие способы актуализации значений зоонимов: помещение лексем в нехарактерные для них контексты, расширение их коннотативных полей, авторское преобразование устойчивых оборотов и т.д. Эта совокупность приемов позволяет Тукаю создать одновременно узнаваемый и уникальный поэтический дискурс, в котором зооморфные коды служат ключом к национальной языковой картине мира.

Резюмируя, можно утверждать, что зоонимы в поэзии Габдуллы Тукая образуют функционально значимый пласт лексики, активно участвующий в построении поэтического текста. Данные лексемы выступают как полифункциональное средство, с помощью которого поэт реализует критику социальных пороков, утверждение национальных идеалов, передачу лирических переживаний и философские размышления. Количественный состав и функциональный диапазон зоонимической лексики свидетельствуют о том, что Тукай использует названия животных, птиц, насекомых и др. в качестве значимых семантических и экспрессивных ресурсов, которые формируют тематическое разнообразие и национальный колорит его поэзии.

Литература

Амиров Г.С. Язык Тукая (лексика и фразеология): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Алма-Ата, 1968. 75 с.

Баширова И.Б. Татарский литературный язык конца XIX – начала XX века: Литературная норма, вариативность нормы и функционально-стилистическая вариативность в категориях имени существительного и наклонениях глагола: дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2000. 471 с.

Божкова Г.Н., Бубеков И.Д. Анималистические образы в поэмах М.И. Цветаевой «Егорушка» и «Красный бычок» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 2-2(56). С. 21–23.

Виданов Е.Ю., Литвиненко Ю.Ю. Семантика ключевых образов животных в поэзии В.С. Высоцкого // Казанская наука. 2016. № 1. С. 62–64.

Вовк О.В. Энциклопедия знаков и символов. М.: Вече, 2006. 528 с.

Галимова О.Н. Зоонимы в художественном дискурсе Г.Тукая // Наследие Габдуллы Тукая в контексте национальных культур: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 125-летию со дня рождения Габдуллы Тукая (25 апреля 2011 г.). Казань, 2011. С. 252–254.

Габбасова К.А. Изображение природы в поэзии Габдуллы Тукая: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2009. 153 с.

Закирова И.Г. Төрки фольклорда һәм Г. Тукай ижатында жан белән бәйләшәләр // Габдулла Тукай и тюркский мир: материалы международной конференции, посвященной 130-летию со дня рождения Г. Тукая / сост. Ф.Х. Миннуллина, А.Ф. Ганиева. Казань: ИЯЛИ, 2016. С. 206–209.

Йосыпов А.Ф. XX гасыр башы татар суфичылык эсәрләренә стиль үзгәрешләре (Г. Тукай һәм Дәрдемәнд ижатлары мисалында) // Габдулла Тукай и тюркский мир: материалы международной конференции, посвященной 130-летию со дня рождения Г. Тукая / сост. Ф.Х. Миннуллина, А.Ф. Ганиева. Казань: ИЯЛИ, 2016. С. 219–222.

Копырюлин С.В. Анималистические образы в лирике С.А. Есенина: образ коня // Молодой ученый. 2018. № 28(214). С. 107–109.

Маслова Ж.Н. Образ кота в русскоязычной поэзии периода Великой Отечественной войны // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 24–25 июня 2021 года. Краснодар, 2021. С. 129–141.

Рамазанов Ш. Татар теле буенча очерклар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1954. 422 б.

Сафина Э.И. Тукай шигъриятендә жан кошы, ходай кошлары // Габдулла Тукай в культурном пространстве XX–XXI вв.: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 135-летию со дня рождения классика татарской литературы Г. Тукая / сост.: Л.Р. Надыршина, Ф.Х. Миннуллина, А.Ф. Ганиева. Казань: ИЯЛИ, 2021. С. 290–294.

Сафина Э.И. Тукай шигъриятендә орнитологик образлар // Габдулла Тукай и тюркский мир: материалы международной конференции, посвященной 130-летию со дня рождения Г. Тукая / сост. Ф.Х. Миннуллина, А.Ф. Ганиева. Казань: ИЯЛИ, 2016. С. 343–346.

Сафина Э.И. Тукай шигъриятендә орнитологик символика // Наследие Габдуллы Тукая в контексте национальных культур: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 125-летию со дня рождения Габдуллы Тукая (25 апреля 2011 г.). Казань, 2011. С. 254–256.

Татарско-русский словарь: В 2-х т. Т. 2 (М – Я). Казань: Магариф, 2007. 726 с.

Татар теленәң аңлатмалы сүзлеге: IV том: Л – Р. Казан: ТӘҺСИ, 2018. 760 б.

Татар теленәң аңлатмалы сүзлеге: VI том: У – Я. Казан: ТӘҺСИ, 2021. 912 б.

Тукай Г.М. Әсәрләр: 6 томда. 1 т.: шигъри әсәрләр (1904 – 1908) / төз., текст., иск. һәм аңл. әзерл. Р.М.Кадыров, З.Г. Мөхәммәтшин; кереш сүз авт. Н.Ш. Хисамов, З.З. Рәмиев. Казан: Татар. кит. нәшр., 2011. 407 б.

Тукай Г.М. Әсәрләр: 6 томда. 2 т.: шигъри әсәрләр (1909 – 1913) / төз., текст., иск. һәм аңл. әзерл. З.Р. Шәйхелисламов, Г.А. Хөснетдинова, Э.М. Галимжанова, З.З. Рәмиев. Казан: Татар. кит. нәшр., 2011. 384 б.

Тукай Г.М. Собрание сочинений: в 6 томах. Т. 1: стихотворения (1904–1907) / [пер. с татар.; сост., авт. предисл., вступ. ст., подстр. пер. и коммент. М. Ибрагимов]. Казань: Татар. кн. изд-во, 2025. 327 с.

Тукай Г.М. Собрание сочинений: в 6 томах. Т. 2: стихотворения (1908–1909) / [пер. с татар.; сост., авт. вступ. ст., подстр. пер. и коммент. М. Ибрагимов]. Казань: Татар. кн. изд-во, 2025. 327 с.

Тукай Г.М. Собрание сочинений: в 6 томах. Т. 3: стихотворения (1910–1913) / [пер. с татар.; сост., авт. вступ. ст., подстр. пер. и коммент. М. Ибрагимов]. Казань: Татар. кн. изд-во, 2025. 310 с.

Хаков В.Х. Тел – тарих көзгесе. Казан: Татар. кит. нәшр., 2003. 296 б.

Ханинова Р.М. Образ верблюда в калмыцкой теме В. Хлебникова // Новый филологический вестник. 2018. № 2(45). С. 167–176. DOI: <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2018-00024>.

References

Amirov G.S. Yazyk Touqaya (leksika i frazeologiya) [Tukay's Language (vocabulary and phraseology)]. Abstract of Dr. Sci. diss. Alma-Ata, 1968. 75 p. (In Russ.)

Bashirova I.B. Tatarskii literaturnyi yazyk kontsa XIX – nachala XX veka: Literaturnaya norma, variativnost' normy i funktsional'no-stilisticheskaya variativnost' v kategoriakh imeni sushchestvitel'nogo i nakloneniyakh glagola [The Tatar Literary Language of the Late 19th and Early 20th Centuries: Literary Norm, Variability of the Norm, and Functional-Stylistic Variability in the Categories of Nouns and Verb Moods]. Dr. Sci. diss. Kazan, 2000. 471 p. (In Russ.)

Bozhkova G.N., Bubekov I.D. Animalisticheskie obrazy v poemakh M.I. Tsvetaevoy «Egorushka» i «Krasnyi bychok» [Animalistic images in the poems of M.I. Tsvetaeva «Egorushka» and «The Red Bull»] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Questions of theory and practice]. 2016;2-2(56):21–23. (In Russ.)

Vidanov E.Yu., Litvinenko Yu.Yu. Semantika klyuchevykh obrazov zhivotnykh v poezii V.S. Vysotskogo [Semantics of key images of animals in V.S. Vysotsky's poetry] // Kazanskaya nauka [Kazan Science]. 2016;1;62–64. (In Russ.)

Vovk O.V. Entsiklopediya znakov i simvolov [Encyclopedia of signs and symbols]. M.: Veche, 2006. 528 p. (In Russ.)

Galimova O.N. Zoonimy v khudozhestvennom diskurse G. Touqaya [Zoonyms in G. Touqay's artistic discourse] // Nasledie Gabdully Touqaya v kontekste natsional'nykh kul'tur: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 125-letiyu so dnya rozhdeniya Gabdully Tukaya (25 aprelya 2011 g.) [Gabdulla Touqay's legacy in the context of national cultures: proceedings of the International scientific and practical Conference dedicated to the 125th anniversary of Gabdulla Tukaya's birth (April 25, 2011)]. Kazan, 2011. P. 252–254. (In Russ.)

Gabbasova K.A. Izobrazhenie prirody v poezii Gabdully Tukaya [The image of nature in Gabdulla Tukaya's poetry]. Cand. Sci. diss. Kazan, 2009. 153 p. (In Russ.)

Zakirova I.G. Torki fol'klorda hem G. Touqay izhatynda zhan belen beile yshanular [Beliefs related to the soul in Turkic folklore and the works of G. Tuqay] // Gabdulla Touqay i tyurkskii mir: materialy mezhdunarodnoi konferentsii, posvyashchennoi 130-letiyu so dnya rozhdeniya G. Touqay [Gabdulla Touqay and the Turkic world: proceedings of the international conference dedicated to the 130th anniversary of G. Touqay's birth] / sost. F.Kh. Minnullina, A.F. Ganieva. Kazan: IYaLI, 2016. P. 206–209. (In Tatar.)

Yosypov A.F. XX gasyr bashy tatar sufichylyk eserlereneng stil' uzencheleklere (G. Touqay hem Derdemend izhatlary misalynda) [Stylistic features of Tatar Sufi works of the early 20th century (on the example of the works of G. Touqay and Dar-demend)] // *Gabdulla Touqay i tyurkskii mir: materialy mezhdunarodnoi konferentsii, posvyashchennoi 130-letiyu so dnya rozhdeniya G. Touqay* [Gabdulla Touqay and the Turkic world: proceedings of the international conference dedicated to the 130th anniversary of G. Touqay's birth] / sost. F.Kh. Minnullina, A.F. Ganieva. Kazan: IYaLI, 2016. P. 219–222. (In Tatar.)

Kopyryulin S.V. Animalisticheskie obrazy v lirike S.A. Esenina: obraz konya [Animalistic images in S.A. Yesenin's lyrics: the image of a horse] // *Molodoi uchenyi* [Young Scientist]. 2018;28(214):107–109. (In Russ.)

Maslova Zh.N. Obrazkota v russkoyazychnoi poehzii perioda Velikoi Otechestvennoi voyny [The image of a cat in Russian poetry during the Great Patriotic War] // *Aktual'nye problemy teoreticheskoi i prikladnoi lingvistiki: materialy VII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Krasnodar, 24–25 iyunya 2021 goda* [Actual problems of theoretical and applied linguistics: proceedings of the VII All-Russian Scientific and Practical Conference]. Krasnodar, 2021. P. 129–141. (In Russ.)

Ramazanov Sh. Tatar tele buencha ocherklar [Essays on the Tatar language]. Kazan: Tatar. kit. nashr., 1954. 422 p. (In Tatar.)

Safina E.I. Touqay shig'riyatende zhan koshy, khodai koshlary [Birds of the soul, birds of God in Tuqay's poetry] // *Gabdulla Touqay v kul'turnom prostranstve XX–XXI vv.: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 135-letiyu so dnya rozhdeniya klassika tatarskoi literatury G. Tukaya* [Gabdulla Touqay in the cultural space of the XX–XXI centuries: materials of the international scientific and practical conference dedicated to the 135th anniversary of the birth of the classic Tatar literature G. Touqay] / sost.: L.R. Nadyrshina, F.Kh. Minnullina, A.F. Ganieva. Kazan: IYaLI, 2021. P. 290–294. (In Tatar.)

Safina E.I. Touqay shig'riyatende ornitologik obrazlar [Ornithological images in Touqay's poetry] // *Gabdulla Touqay i tyurkskii mir: materialy mezhdunarodnoi konferentsii, posvyashchennoi 130-letiyu so dnya rozhdeniya G. Touqay* [Gabdulla Touqay and the Turkic world: proceedings of the international conference dedicated to the 130th anniversary of G. Touqay's birth] / sost. F.Kh. Minnullina, A.F. Ganieva. Kazan: IYaLI, 2016. P. 343–346. (In Tatar.)

Safina E.I. Touqay shig'riyatende ornitologik simbolika [Ornithological symbolism in G. Touqay's poetry] // *Nasledie Gabdully Touqaya v kontekste natsional'nykh kul'tur: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 125-letiyu so dnya rozhdeniya Gabdully Tukaya (25 aprelya 2011 g.)* [The legacy of Gabdulla Touqay in the context of national cultures: proceedings of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 125th anniversary of the birth of Gabdulla Touqay (April 25, 2011)]. Kazan, 2011. P. 254–256. (In Tatar.)

Tatarsko-russkii slovar': V 2-kh t. T. 2 (M – Ya) [Tatar-Russian dictionary: in 2 volumes vol. 2 (M – I)]. Kazan: Magarif, 2007. 726 p. (In Tatar and in Russ.)

Tatar teleneng anglatmaly suzlege: IV tom: L – R. Kazan: TEhSI, 2018. 760 p.

Tatar teleneng anglatmaly suzlege: VI tom: U – Ya. Kazan: TEhSI, 2021. 912 p.

Touqay G.M. Eserler: 6 tomda. 1 t.: shig'ri eserler (1904–1908) [Works: in 6 volumes. Vol. 1: poetic works (1904–1908)] / təz., tekst., isk. həm aql. əzər. R.M. Kadyirov, Z.G. Məkhəmmətshin; keresh syz avt. N.Sh. Khisamov, Z.Z. Rəmiyev. Kazan: Tatar. kit. nashr., 2011. 407 p. (In Tatar.)

Touqay G.M. Eserler: 6 tomda. 2 t.: shig'ri eserler (1909–1913) [Works: in 6 volumes. Vol. 2: poetic works (1909–1913)] / təz., tekst., isk. həm ahl. əzerl. Z.R. Shəikhelislamov, G.A. Khəsnətdinova, Eh.M. Galimzhanova, Z.Z. Rəmiyev. Kazan: Tatar. kit. nashr., 2011. 384 p. (In Tatar.)

Touqay G.M. Sobranie sochinenii: v 6 tomakh. T. 1: stikhotvoreniya (1904–1907) [Collection of works: in 6 volumes. Vol. 1: poems (1904–1907)] / [per. s tatar.; sost., avt. predisl., vstup. st., podstr. per. i komment. M. Ibragimov]. Kazan: Tatar. kn. izd-vo, 2025. 327 p. (In Russ.)

Touqay G.M. Sobranie sochinenii: v 6 tomakh. T. 2: stikhotvoreniya (1908–1909) [Collection of works: in 6 volumes. Vol. 2: poems (1908–1909)] / [per. s tatar.; sost., avt. vstup. st., podstr. per. i komment. M. Ibragimov]. Kazan: Tatar. kn. izdvo, 2025. 327 p. (In Russ.)

Touqay G.M. Sobranie sochinenii: v 6 tomakh. T. 3: stikhotvoreniya (1910–1913) [Collection of works: in 6 volumes. Vol. 3: poems (1910–1913)] / [per. s tatar.; sost., avt. vstup. st., podstr. per. i komment. M. Ibragimov]. Kazan: Tatar. kn. izdvo, 2025. 310 p. (In Russ.)

Khakov V.Kh. Tel – tarikh kozgese [Language is a mirror of history]. Kazan: Tatar. kit. nashr., 2003. 296 p. (In Tatar.)

Khaninova R.M. Obraz verblyuda v kalmytskoi teme V. Khlebnikova [The image of a camel in the Kalmyk theme by V. Khlebnikov] // Novyi filologicheskii vestnik [New Philological Bulletin]. 2018;2(45):167–176. DOI: <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2018-00024>. (In Russ.)

Информация об авторе

Сафина Эльвира Ирфатовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, Россия, г. Казань. ул. К. Маркса 12/4; 7idillia@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0008-3185-5120>

About the author

Safina Elvira Irfatovna, Cand. of Sciences (Philology), Senior Researcher, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Tatarstan Academy of Sciences; Russia, Kazan, Karl Marx St., 12/4; 7idillia@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0008-3185-5120>

*Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interests.*

Информация о статье / Information about the article

Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 30.06.2026

Одобрена рецензентами / Approved by reviewers: 03.08.2026

Принята к публикации / Accepted for publication: 06.08.2026

